

АЛЬ ДЖУ

18+

ДАЛЬШЕ
НЕ ПОМНЮ

Аль Джу

Дальше не помню

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70074112

SelfPub; 2023

Аннотация

Главный герой не помнит, чем закончился прошлый вечер. Это проблема, ведь это не единичный случай, – так происходит практически каждый день. Чтобы вырваться из порочного круга беспорядочной богемной жизни, герой покупает билет на новогодний паром, следующий из Хельсинки в Таллин. Он бежит прочь из города, ещё не зная, какой личный ад ждёт его впереди и что предстоит сделать, чтобы из него выбраться.

Содержание

I. Влад	4
II. Попутчица	17
III. Слава	28
IV. Аня	38
V. Паром	49
VI. Сестры	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Аль Джу

Дальше не помню

Все события, кроме происходящих в Низине – выдуманы, любые совпадения случайны.

Текст не является пропагандой наркотиков и алкоголя – это зло, которое нанесет вред вашему физическому и ментальному здоровью, а затем отправит вас в ад.

I. Влад

Цугцванг – положение, при котором у одной из сторон или у обеих сразу (взаимный цугцванг) нет полезных ходов, так что любой ход игрока ведет к ухудшению его собственной позиции.

Википедия

Что было вчера? Не могу вспомнить – только набор невнятных и разрозненных картинок из вереницы баров и очередных случайных людей. Вместо вчерашней ночи перед глазами стоял приснившийся сон. Реальный настолько, что несколько секунд после пробуждения не мог понять, где нахожусь. Во сне я падал на дно глубокого оврага, потом за мной гналась вооруженная толпа, повсюду мелькали средневековые изображения солнца. В результате я оказывался в

темном подвале, из которого в панике пытался найти выход. Подобный сюжет снился мне уже во второй или третий раз. Чтобы отогнать неприятные ощущения, оставшиеся после тяжелого сна, я поставил чай и пошел перекурить на балкон.

На календаре было 28 декабря, а на часах – семь вечера. Новый год я собрался встречать на пароме из Хельсинки в Таллинн и ехать туда решил один. «Алко соберет вокруг меня компанию», – так тогда я полагал. Но это послезавтра, а сейчас я ждал Влада, который должен был приехать ко мне с десятью граммами необычных грибов. Грибы я еще не пробовал, и в ожидании нового опыта было и возбуждение, и волнение. На телефоне пикинуло уведомление – сообщение от Влада: «Вышел из метро». Хорошо, от метро до моего дома идти максимум минут десять. Я подумал, что пока есть время, надо набрать ей. Мы не виделись уже почти два года, все было давно закончено. Но что-то внутри подталкивало позвонить, чтобы хотя бы узнать, как у нее дела.

Набрал, послушал десять гудков и завершил звонок – ясно, похоже, или с новым парнем, или на предновогоднем свидании с каким-нибудь очередным чуваком из «Тиндера».

Из тоскливых размышлений о том, с кем она сейчас тусит, а может целуется, а может спит, меня вырвал неприятный сигнал оповещения от домофона. Недавно в нашей хрущевке установили так называемые «умные» домофоны – теперь я с помощью мобильного приложения мог открывать дверь

прямо со смартфона и там же видеть трансляцию с камеры. Это позволяло заранее узнать, кто желает попасть ко мне в гости. Я зашел в приложение, увидел черно-белое лицо Влада с отливающими белым глазами и открыл дверь. Второй этаж, и уже через секунд пятнадцать он был на пороге.

После приветствий и стандартных «как дела», Влад извлек из своего рюкзака, с которым он ходил почти всегда, небольшой пакетик. «Параша в виде порошка – есть ее надо, запивая водой, иначе не проглотишь», – сказал он мне. Ну ладно, пусть будет так. Я устроился на диване, а он сел напротив меня в кресло. Между нами стоял табурет, на котором расположилось несколько бутылок пива, стакан воды, и, собственно, этот грибной порошок.

– Когда получал эту посылку, думал, вообще, не примут ли меня? – начал Влад. – Но вроде все нормально, как видишь. Хотя думал до тебя на таксе поехать даже.

– Ага, но эта штука же вроде формально еще не запрещена, как я знаю. Ну чего, как мы это делаем?

– Смотри, бахни сейчас половину столовой ложки, дальше подожди минут тридцать, и если все будет нормально, можно будет еще.

– Понял, но давай ты первый, я чего-то переживаю.

– Да брось, нормально все будет.

Влад зачерпнул ложкой серую массу из пакетика и запил водой. Теперь был мой черед. Не без неприятного предоступления я сделал то же самое. Грибной порошок пах отврати-

тельно, даже не знаю, с чем сравнить. Да и на вкус это были совсем не шампиньоны – ощущение было, будто я жую песок. «Без воды, это, конечно, никак не проглотить», – подумал я и допил оставшуюся половину стакана.

Дальше мы с Владом обсудили какие-то пустяки. Это были слова ради слов. Мы оба ждали, что будет дальше. Он уже пробовал это и сказал мне, что приход будет плавный и мягкий. Мы включили Massive Attack, самый, наверное, популярный их альбом Mezzanine и ждали. Через пятнадцать минут началось – я принялся высказывать какую-то мысль, но делал это настолько долго, что понял – меня стало забирать. Буквы в словах скакали непонятным образом, и мы очень много смеялись. «Прямо как в Generation P», – пришло мне в голову.

– Слушай, это прям как «чира», только голова более ясная, – сказал я.

– Да, сотка, – подтвердил Влад.

«Чирой», то есть десяткой, у нас называлось такое состояние алкогольного опьянения, при котором ты уже не можешь контролировать себя и начинаешь вытворять всякую дичь. Ноль, соответственно, обозначал абсолютную трезвость. Благодаря этой системе оценок узнавать, на какой стадии опьянения человек, становилось очень легко, достаточно было спросить у него цифру. Конечно, не каждый мог адекватно оценить свое состояние, но после долгого использования таких оценок ты развивал умение почти автомати-

чески, с одного взгляда, определять, где сейчас человек – на «5» или на «8». Семерка была в этой системе неким водоразделом, перейдя который ты пускался в практически любые приключения, а тормоза постепенно переставали работать.

Так, помнится, несколько лет назад произошла забавная история, когда мы в состоянии «8+» со Славой направлялись на выступление одного стендапера. Со Славой я познакомился очень давно – на одном из проектов работал под его руководством, но из коллег мы со временем превратились в близких друзей.

Мы встретились в паре километров от пункта назначения, чтобы прогуляться по центру с «ракетами» – смесью колы и коньяка или виски. По пути с помощью «ракет» и я, и он ожидаемо пробили «8», после чего было решено, что нам нужна женская компания. Мы встали прямо на главном проспекте города, напротив известного всей стране собора, и начали обращаться ко всем проходящим девушкам с предложением присоединиться. В основном, все, конечно, чуралось двух нетрезвых мужчин. Но, как говорится, на каждый товар найдется покупатель, и две девчонки согласились пойти с нами.

Кстати, у нас было всего два билета на то выступление, но тогда этот факт совершенно вылетел из головы. Сил на то, чтобы вызвать такси с помощью мобильного приложения, не осталось, буквы расплывались, а пальцы совсем не попадали по нужным кнопкам. Поэтому было принято решение

ловить «с руки» и, как ни странно, это нам удалось. Мы с девчонками прыгнули в старенький «Рено Логан», за рулем которого сидел стереотипного вида дед. Он, конечно, разрешил нам курить прямо в машине. Очень скоро мы прибыли к нужному бару. Глянув на часы, я понял, что выступление комика длилось уже полчаса. «Ладно, легкое опоздание не проблема», – с этим тезисом мы вышли из машины и направились ко входу в заведение. На входе девушка-администратор напомнила нам, что для четырех человек нужны четыре билета. Поймав от наших новых подруг взгляды, полные недоумения и презрения, мы со Славой извинились перед ними и прошли в зал вдвоем.

Примерно через две минуты стало ясно, что в таком состоянии – и он, и я уже достигли «9» – мы тут долго не просидим. Каждую шутку комика Слава эмоционально и на весь зал, вмещающий порядка ста человек, завершал громогласным: «Да, брат у меня было так же!». Я, в свою очередь, сидел и вообще не понимал, что происходит вокруг, возможно, даже начал засыпать. Однако в этот момент почувствовал, что кто-то сзади взял меня под руку и, подталкивая, повел к выходу. Я обернулся – это был Слава.

– Брат, мы чего, идем покурить?

– Покурить-покурить.

Тут я немного пришел в себя и услышал, что вся сотня, сидящая в зале, дружно кричит: «Пошли на хер! Пошли на хер! Пошли на хер!». Мы вышли на морозный воздух – тогда

тоже был декабрь – и я окончательно начал ориентироваться в пространстве.

– Так, Слав, что происходило?

– Ну мы немного громко себя вели. Из-за этого комик призвал всех к тому, чтобы коллективно нас изгнать и, совместно с залом, изгнал нас.

Я был в некоем замешательстве, как вдруг заметил тех двух девиц, которых мы привезли сюда. Они вышли из соседнего бара, и, увидев нас, язвительно спросили: «Ну как вам стендап?». Мы со Славой засмеялись – ответить было нечего. Впрочем, они и не дожидались наших ответов, тут же скрывшись за поворотом.

В какой-то момент я вообще забыл, где нахожусь. Потряс головой, проморгался – у себя дома. Напротив – Влад. И его, похоже, тоже начало забирать.

– Слушай, – начал он. – Ты знаешь, кто мы на самом деле? Мы просто кучка битов, одна из частей какого-то приложения. Приложения, которое летит в никуда прямо в открытом космосе.

Мне показалось, что более правдоподобного ответа на проклятые вопросы в духе «Кто мы? Откуда мы? Зачем мы?» я еще никогда не слышал. Я встал, чтобы сходить покурить на балкон и чуть не упал – очень сильно повело вправо. Опершись рукой на стол, я спросил:

– Блин, ты как? – и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Я сейчас себя чувствую, как будто я на «чире», но голова, как

ни странно, ясная.

– Да, ты уже говорил это. У меня все точно так же. Попробуй закрыть глаза – у тебя закрутятся два колеса – одно, которое большое, в левую сторону, а другое, поменьше, которое внутри первого – в правую.

Я закрыл глаза и действительно увидел два крутящихся колеса.

– Так все, мне надо на балкон, покурить.

Пошатываясь, я вышел на балкон и подошел к открытому настежь окну, достал сигарету и начал курить. Время текло совершенно не так, как в трезвом состоянии – мне казалось, что я делал по несколько затяжек в секунду, но сигарета не уменьшалась. Вдруг какие-то изменения начали происходить со зрением и восприятием окружающей реальности – каждый раз, когда я моргал или поворачивал голову, происходила «монтажная склейка». Из-за этого все вокруг потеряло цельность и казалось рваным.

Я вернулся в комнату.

– А меня что, долго не было?

– Вот сидел как раз об этом размышлял, – начал Влад. – В какой-то момент мне казалось, что прошли столетия, а сейчас ты зашел, и я понял, что прошло каких-то пару секунд.

– У меня ощущение, что я на «чире», но в голове ясно. А ты как?

– Блин, похоже, тебя всерьез начинает забирать, ты мне это уже в третий раз говоришь. Я нормально, нормально я!

Тут со зрением вдруг начало происходить что-то совсем странное – по бокам появились какие-то темные пятна, сквозь центр которых проступали разноцветные фейерверки. То есть по центру я видел все того же Влада, сидящего под светом торшера в кресле – кудрявого, длинноволосого и худощавого парня в очках – а вот с боковым зрением творилось что-то неладное. Наконец два темных пятна превратились в цветные, причем цвета на них быстро менялись, что придавало ощущение того, будто я куда-то лечу.

– Ты как? Ченя биразает лисьно?

– Все-все, присядь, отдохни и попей.

– А-а-а-а, чего? – еле выдавил я из себя. Каждое слово давалось с большим трудом.

– Да вот воды или пива, пожалуйста, что хочешь. Так, на чем я остановился?

Оказалось, что Влад все это время о чем-то говорил, но я не услышал и не запомнил из этого ни одного слова.

– А, да, фильм «Интерстеллар». Вот, и в общем, когда Макконахи полетел...

Я глянул на освещенное лампой лицо Влада. В левой линзе его очков неожиданно возник образ Макконахи из фильма, о котором он говорил. Мэтью был в скафандре и, собственно, летел в ракете.

– Черт, я его видел, – испуганно выдал я.

– Кого?

– Макконахи – он летел.

– Где ты его видел? Ты выпей-выпей, – Влад протянул мне стакан с водой.

– В оч-ч-ке.

В этот момент я понял, что совершенно перестал чувствовать свои руки, однако это меня отчего-то не испугало. Влад продолжал говорить, но я провалился в собственную измененную реальность, в которой никак не получалось сопоставить одно с другим и построить простейшие причинно-следственные связи. Состояние было такое себе.

– Песни! – попытался выкрикнуть я.

– Окей, ты какую хочешь?

Я, к этому момент уже лежавший на диване, попытался встать. Это мне удалось, но совсем ненадолго, практически сразу мои ноги подкосились. Я просто не понимал, как мне возможно устоять на них. Влад тут же подбежал ко мне.

– Бро, ты чего? Черт, похоже, тебя адски размазало.

– Курыт.

Влад подхватил меня, мы дошли до балкона, где он усадил меня на табурет. Я взял сигарету и прикурил, но она тут же выскользнула у меня из пальцев. Уголек оставил ожог на ноге, но это не очень-то волновало. Вдруг все стало ясным, я понял, где я и что происходит вокруг.

– Влад, слушай, меня просто уничтожило. Но сейчас подпустило. Ты, если что, меня курируй, ладно?

– Да, я вижу, что тебя убило. Все нормально будет, не бойся.

– И это, не уезжай пока. А то я чувствую, что это еще не конец.

– Конечно, не уеду. Еще часа три точно с тобой посижу.

– Посидишь где?

– Ну здесь, у тебя, посмотрю, чтобы ты в плюс-минус порядок пришел.

– Какой порядок?

Сказав это, я понял, что меня снова забирает. Словно в подтверждение этому я опять выронил сигарету на пол. После перекура Влад уложил меня на диван.

– Песни.

Влад включил какой-то плейлист, а я провалился в мутное пространство, в котором не было ясно ничего – ни где я нахожусь, ни кто я.

– Мы ищем шифр?

– Да, да, ищем шифр, – мой друг выбрал тактику «соглашайся во всем».

Каждая из играющих песен проносилась у меня калейдоскопом в голове. При этом, после прослушивания трека в сознании вспыхивала огромная красная буква, которая в нем использовалась. Так после семи песен я собрал тайное послание – им оказалось слово «женщина».

– Понял! – я закричал.

– Так, чего там, расскажи?

– Женщина, мне нужна, жен-счина.

После этого я снова провалился в галлюцинации – в этот

раз мне показывали то, как развивалась наша планета. Большой взрыв, первичный океан, деление микроорганизмов, вот уже и первые обезьяны.

– Р-у-у-уки. Мы здесь, чтобы хватать.

Плата за получение этого удивительного откровения наступила сразу – во всех конечностях у меня начались конвульсии. Голова и руки дергались как в припадке. Влад сел ко мне на диван и взял меня за руку.

– Брат, ты как?

Я продолжал дергаться и не мог ничего внятно произнести. Начали мелькать тревожные мысли – вначале, что я не успею на поезд в Финляндию, а затем, что навсегда останусь таким – сошедшим с ума и дергающимся. Я отвернулся к стене и погрузился в относительно спокойное состояние. Спустя какое-то время Влад сказал мне:

– Тебе вроде полегче, мне уже правда ехать пора, уже полвторого ночи.

«Полвторого, я точно не успею на поезд», – подумал я и кивнул Владу. На большее просто не хватало энергии.

– Ты не вставай только ни в коем случае, я дверь прикрою, думаю, никто к тебе ломиться не будет.

Я что-то буркнул в ответ, а Влад собрал вещи и вышел. Я смотрел на белую стену, как вдруг понял, что умираю, умираю прямо сейчас. Неожиданно все вокруг почернело, а в сознании раздался грозный голос: «Сейчас ты увидишь, что ты и зачем ты!», после чего на черном фоне появилась бе-

лая точка. От этой точки нечто начало рисовать круг и, по мере продвижения линии к изначальной точке, внутренняя часть круга заполнялась белым цветом. Я понял, что точка – это момент моего рождения и смерти, а белый цвет, которым круг заполняется – все, что мне довелось узнать и пережить – эмоции, знания, люди. Когда круг был дорисован и линия вернулась в точку, из которой произошла, белый цвет выплеснулся за его пределы и полетел вперед с дикой скоростью. Я полетел вместе с ним по некоему подобию трубы. В момент максимального разгона этой белой массы я открыл глаза и увидел свое первое воспоминание – ясли, мы сидим в игровой комнате с девочкой Лизой.

Еще некоторое время я лежал и смотрел в стену, ловя странный эффект – в каждой новой включающейся песне оставались партии от ударных и баса из предыдущей. В конце концов я уснул.

II. Попутчица

Первое, о чем я подумал, открыв глаза, что, несмотря на вчерашний ад, в котором никому бы не желал оказаться, голова была абсолютно ясная. Я встал, координация восстановилась, руки и ноги чувствовались как всегда. Глянул на время, было уже восемь вечера. Считать, сколько я проспал, было страшно.

– Так, поезд через два часа. Срочно мыться, курить, собираться и выезжать, – сказал я себе в зеркало.

К тому времени я не ездил на поездах, исключая «Сапсаны», уже лет восемь, а потому решил доехать до Хельсинки именно этим видом транспорта. Для того, чтобы освежить детские впечатления о романтике железнодорожных путешествий, идеально подошел бы плацкарт, но в удобном мне поезде вагоны такого типа отсутствовали.

Собираясь и делая бытовые дела я думал о том, как повлиял на меня вчерашний опыт и не без облегчения обнаружил, что вроде бы все осталось тем же, каким было и раньше. Хотя некоторые грибные изображения еще вспыхивали у меня в голове, мозг и сознание адекватно интерпретировали окружающее.

Застегнув небольшой рюкзак, путешествие было буквально на пару дней, я вызвал такси до вокзала. «Около сорока минут в пути, опасно», – подумалось мне. Водитель подь-

ехал очень скоро и я, закрыв дверь, выскочил на улицу. Я ехал в такси и мои мысли вернулись к ней. Она – это Оля, моя бывшая жена, с которой мы прожили три года. В результате наши отношения превратились в бесконечные ссоры и претензии и ожидаемо сжухли, переродившись из любви в ненависть. Таким развитием событий заканчивались все мои длительные романы и, сидя на заднем сиденье машины, я думал о том, в чем причина этих неудач, – то ли мне попадались не те люди, то ли я был для них не тем человеком.

Таксист, слава богам, оказался совершенно неразговорчивым, поэтому никто не отвлекал меня от моей унылой рефлексии. Наконец, мы прибыли. До отправления оставалось минут десять и я натуральным образом побежал к своему поезду и вагону.

На улице уже давно стемнело и свет, исходивший из занавешенных вагонных окон, вместе с мелькающими угольками сигарет на перроне, создавал интересную цветовую палитру.

«Отлично, мой вагон», – подумал я и протянул проводнице билет.

– Ну прям за минуту, молодой человек.

– Так уж вышло, – усмехнулся я и подумал о том, как бы она изменилась в лице, если бы узнала, что со мной было вчера.

Я поднялся в вагон и проследовал к своему купе. Тепло, специфический запах и воспоминания о поездах тут же подняли настроение. Я уже представлял, как заварю чай в под-

стаканнике и какую-нибудь лапшу. Однако открыв дверь в купе я понял, что жизнь приготовила для меня другой сценарий. В моем купе в одиночестве сидела молодая девушка, напротив которой стояла выпитая на треть литровая бутылка коньяка. «Черт возьми, похоже, остаться трезвым снова не получится», – подумал я и прошел внутрь, закрыв за собой дверь.

Я кинул рюкзак на свою полку – взял нижнюю, потому что в детстве несколько раз падал с верхних. Сев напротив девушки я взглянул на нее. У нее были длинные светлые волосы и большие карие глаза, мне всегда нравилось это сочетание. В ноздре пирсинг, на запястье татуировка, лет под тридцать. Судя по ее выражению лица и блуждающему по купе взгляду, она находилась где-то рядом с «7». Я достал телефон и отписал Славе, который сейчас был в Хельсинки, что сел в поезд.

Между тем мы двинулись и одновременно с этим в купе заглянула проводница. Проверив билет еще раз, она передала мне комплект постельного белья и поинтересовалась, нужно ли что-нибудь. Получив отрицательный ответ, проводница скрылась за дверью. Молчание, висевшее как простыня с верхней полки между мной и соседкой, слишком затянулось, и я понял, что вот прямо сейчас кто-то что-то скажет. Этим кем-то стал я.

– Здравствуйте. Слушайте, а разве у нас в поездах пить не запрещено?

– Здравствуйте.

Только услышав, как она говорит, я сразу понял, точно «7», не ошибся.

– Запрещено вроде, но мы с проводницей договорились.

– А если не секрет, как? Вы выкупили у нее всю быстро-растворимую лапшу? – я улыбнулся, понадеявшись на эту легкую шутку.

– Забавно. Да нет, просто дала ей сто евро. Будете? – она извлекла из пластикового стакана второй и налила в него коньяк.

– Буду. Но давайте, что ли, познакомимся для начала?

– Давайте, меня Инна зовут. И еще, хотелось бы, на ты.

Я назвал свое имя и взял протянутый стаканчик.

– Да, лучше будет на ты. Ну, выходит что за знакомство, Инна?

– Ага, давай залпом.

У нас было налито по половине пластикового стаканчика. Неплохое начало вечера. Я выпил залпом, поморщился и громко выдохнул. Обстановка вокруг сразу стала более располагающей, а Инна в момент превратилась в интересного человека, которого хотелось узнать поближе.

– Так, ну чего, рассказывай...

– Сейчас, стой, – она с характерным звуком выкрутила из бутылки пробку и налила еще по половине стаканчика. – Давай еще, прям сейчас.

– Блин, ты как вообще? Мадам что, хочет напиться? – я

опять улыбнулся, но внутри почувствовал напряжение – что если завтра я проснусь без почки и не в Хельсинки, а в Омской области.

Она даже не ответила – просто выпила залпом. «Что за нелепое беспокойство? Что со мной может случиться тут, в купейном поезде, направляющимся в Европу. Видимо, последствия грибной лихорадки», – подумал я и выпил вслед за ней. После второго стакана я растекся на своем месте и полулег, опершись на стенку.

– Может быть, пришла пора поговорить?

Инна забралась с ногами на свое место, положив руки на колени и наконец-то улыбнулась.

– Ну, может и пришла.

– Расскажи, ты вообще чего, откуда и куда?

– Из Москвы и, не поверишь, в Хельсинки.

– Даже не знал, что этот поезд идет из Москвы. Типа отпуск? Или как?

– Отпуск у меня был дома, в Москве, – усмехнулась она, – а сейчас я обратно, в рабочий ад.

– В плане, ты живешь и работаешь в Хельсинки?

– Не работаю в том смысле, в каком это все понимают. Но это тяжело. И это работа.

– Что ж так загадочно-то, может уже пояснишь, блин?

Она снова выпила, на этот раз прямо из бутылки.

– Да чего объяснять, я из небольшого уральского города. Училась в самой обычной школе, жила на окраине. Но я учи-

лась хорошо. В итоге в Москву поступила. Там на одной из тусовок познакомилась с финном, Теему его звали. Ну и в общем завязалось у нас. Я еще понимаешь, обалдела тогда – еще вчера минус сорок, сугробы и непонятно, что дальше, а сейчас – Москва, иностранец ухаживает. А он старше меня, на десять лет, в столице по работе жил. Отношения, любовь, все классно было, но потом у Теему контракт закончился, и он сказал, что ему пора уезжать. Я давай рыдать, типа, а что будет с нами, как мы дальше? И тут он неожиданно мне выдал, что ждать меня еще три года не готов, но готов забрать с собой. Я, конечно, охренела. Вообще не ожидала такого поворота.

Она снова взялась за бутылку. Я в этот момент думал о том, к чему приведет драматическая история Инны и Теему. Тем временем Инна протянула мне коньяк, и я тоже сделал пару небольших глотков.

– Так, и чего? Он предложил тебе уехать с ним, – напомнил я своей попутчице, ведь она разменяла «8» и, по ощущениям, уже могла успеть забыть, о чем рассказывала.

– Да, Теему. Сейчас бы я по-другому поступила, но тогда, двадцать лет, любовь, иностранец, сам понимаешь. Забрала документы из университета, собрала вещи и поехала с ним. Такая жена декадента, – она засмеялась. – Ой, декабриста.

– Так вроде же классно все у тебя. А ты прямо с таким надрывом рассказываешь.

– А что надрыв? Мы приехали в Тарту, это небольшой го-

род в Хельсинки, где он живет.

«В Финляндии», – мысленно поправил я.

– Через год родила первого, еще через полтора – второго. Ты знаешь, что такое эта жизнь?

– Эм, нет, видимо.

– Да я там задыхаюсь, – тон ее голоса стал резко подниматься. – У меня вся жизнь – это поход до супермаркета и возня с двумя детьми. В деревне, понимаешь? В деревне, блин. Конечно, там может и приятнее, чем в моем родном городе. Так и чего, что приятнее? Здесь вообще от этой скуки с ума сойти можно. Ладно раньше, хотя бы сексом занимались, а сейчас – раз в месяц придут его друзья, по тарталетке съедим и спать. А в остальное время смотришь идиотские новости про то, как в деревне ветер провода оборвал. Или кто-то кота с дерева снял.

– А он тебя обеспечивает?

– Конечно.

– Ну тогда, может, в свободное время хобби каким заняться?

– Я пробовала, на какие кружки только не ходила – не могу избавиться от того, что это все? Это вот вся моя жизнь? Ты понимаешь, я сейчас в Москву ездила к подругам, мы с ними еще со времен университета. И у них там какие-то карьеры, тусовки, жизнь кипит. Я была так счастлива эту неделю. И несчастлива одновременно, потому что понимала – я к этому прикоснулась, но очень скоро мне обратно.

Она стихла. Не могу сказать, что был сильно тронут, а под конец совсем потерял интерес к ее истории. Но надо было как-то поддерживать разговор.

– Если тебе так в тягость, может попробовать сдать назад, что называется?

– Чувак, у меня двое детей. Ты понимаешь вообще?

Я хмыкнул.

– Сижу здесь пью, решила вот последний день, – на этих словах она вновь отхлебнула из бутылки.

– Сбегаю покурю, – отхлебнул и я и скрылся за дверью купе.

Шаркая по ковру, расстеленному по вагону, я обнаружил, что и сам уже нахожусь на «7+». В районе окна мелькнула странная тень, и меня накрыл резкий приступ паранойи. «Галлюцинации, флешбеки, что это?», – подумал я и пригляделся. К счастью, паранойя ушла так же резко, как и появилась. Ничего необычного в окне не было, я открыл дверь в тамбур и вышел. «Так, хорошо, я на семь плюс, но чувствую себя как всегда», – после сегодняшнего пробуждения мне пришла мысль, что теперь любое измененное состояние сознания будет сопровождаться тем или иным адом. «Хорошо-то хорошо, но что ждет нас с Инной, вот в чем вопрос и главная интрига вечера. Мы наедине в купе, она уже совсем пьяна, чувствует себя одинокой и несчастной. Похоже, это неизбежно».

Вдруг дверь в тамбур открылась – из проема на меня уста-

вилаась проводница.

– Ой, слушайте, а курить тоже здесь запретили?

Она какое-то время смотрела на меня и молчала.

– Ты же с этой? Тебе можно. Только тихо.

Я кивнул и, сделав пару последних затяжек, затушил сигарету – как ни странно, несмотря на запрет, подобия пепельниц здесь остались, – и вышел из тамбура вслед за проводницей. К купе я шел хоть и заинтригованным, но в глубине души надеявшимся, что она уснула.

Открыв дверь в купе, я увидел, что она не спит. Инна переделалась в футболку и в короткие шорты, в руках у нее была бутылка, в которой уже почти ничего не оставалось.

– Как ты тут?

– Да лучше всех. На, глотни.

Я сел на свое место и выпил. Между тем она встала и, пошатываясь, закрыла купе на замок.

– Может про себя что-нибудь скажешь?

– Да что я, живу унылой жизнью холостяка. У меня, видишь, таких драм не происходит.

– Таких не происходит, но другие-то точно есть?

– Да не сказал бы.

Моя рука, держащая бутылку, лежала на столике. Инна потянулась за бутылкой и обхватила вместе с ней и мою руку.

– Ничего себе, какой ты теплый.

– Ну да, я же живой.

– У тебя, кстати, очень красивые волосы.

«Похоже, началось», – подумалось мне. Ее рука все также оставалась на моей.

– Спасибо, а ты вообще вся красивая, – представляю, как было бы убого, проходи наш диалог в трезвом состоянии.

Она поднялась со своего места.

– Подсяду к тебе, не против?

– Конечно.

Инна села рядом, сразу же закинув свою ногу на мою. Через мгновение, которое всегда сложно зафиксировать, мы начали целоваться. Одной рукой я приобнял ее, а другой трогал ее грудь через футболку. Лезть под нее я не стал – иначе уже бы совсем не смог сдержаться. «Что, черт возьми, происходит?», – с гневом спросил я себя. Вдруг она отстранилась от меня и прилегла. Некоторое время я ее не трогал и, похоже, она заснула. После того, как мне удалось переложить ее на место, я, не снимая джинсы, сам упал спать.

Стук не кончался. Наконец, я открыл глаза и, разлепив губы, выдавил: «Да?».

– Через сорок минут приезжаем! – это была проводница.

Мне очень хотелось воды и курить. Вроде выпил вчера совсем немного. Я поднялся и потрогал Инну за плечо. Когда она очухалась, я улыбнулся и сказал, что прибываем совсем скоро.

Время до Хельсинки мы провели отдельно – она была в туалете, а я бесцельно шатался по вагону и периодически хо-

дил курить. Впрочем, и обсуждать нам особенно было нечего. Когда мы начали тормозить, Инна бросила мне: «Пока!», и покатила чемодан к выходу. Я же остался сидеть в купе. Поезд остановился. Через окно я увидел на перроне Славу – того самого, с которым мы столь удачно сходили на стендап, и на душе как-то потеплело. Закинув рюкзак на плечо, я хотел выйти из купе, как вдруг заметил, что на перроне Инна бросилась на шею двухметровому и бородатому финну. «О, Теему», – зачем-то вслух сказал я. Некоторое время задержавшись перед окном, я понаблюдал за их счастьем – они смеялись и целовались. Потом Теему подхватил ее чемодан, и пара скрылась из моего поля зрения. «Интересно, сейчас она так счастлива, куда же делось вчерашнее недовольство собой, мужем и жизнью? Ладно, меня ждет мой "Теему"», – я усмехнулся и пошел к выходу из поезда.

На перроне, выдыхая клубы пара, стоял Слава.

– Ну, привет, бро.

– Здрасьте-здрасьте.

– Как ты, готов?

– К чему опять? – смиренно спросил я.

III. Слава

Мы двигались к выходу из вокзала.

– Как к чему? Ударно покодить, – ответил Слава. Глаголом «кодить» мы обозначали вообще какое угодно время-препровождение, кроме, собственно, программирования – написания кода.

– У меня чего-то как код начался позавчера, так и не заканчивается. И не закончится еще в ближайшие несколько дней. Похоже, я в тотальном штопоре. Ты мне чего-то забронировал?

– Да, в своей гостинице. А что позавчера было?

– Влад приезжал, не с пустыми руками. А вчера, на отходах, зашел в поезд, а там девушка с литром коньяка сидит. Сам понимаешь.

– Думаю, нам стоит зайти куда-нибудь и выпить пива. Благо, ты налегке.

– Семьи не имеем, таскать по шесть чемоданов нам ни к чему.

Слава засмеялся. Мы вышли на привокзальную площадь и направились в ближайший бар, располагавшийся метрах в пятистах. Пиво принесли достаточно быстро. В принципе, в дни отдыха, которые часто превращались в дни штопора, я любил начинать пить в первой половине дня, но сегодня первая кружка давалась мне с трудом.

– Ну что, как ты тут, одинокий волк?

– Прикатил вчера, заселился и лег спать. Без приключений. Завтра вот к восьми вечера жду своих.

– Напомни, что у вас за план?

– Они приезжают в восемь, я их встречаю и едем в аэропорт сразу, в районе полуночи, у нас рейс в Тай. Весь план.

– А на сколько вы туда?

– На два месяца. Нужно как-то от нашей зимы отдохнуть.

Слава был меня старше лет на семь – никогда не мог запомнить, сколько ему точно. У него была жена, двое детей и полный пакет представителя среднего класса – от квартиры, украшенной радостными фотографиям семьи, до загородного дома и пары машин. Образ его семьи с ее обыденным счастьем одновременно меня и привлекал, и отталкивал. При этом, Слава всегда готов был сорваться в какой-нибудь адский алкотрип. Хотя в последнее время это происходило все реже.

– Ты чего завис? – спросил он.

– Задумался о твоей семье.

– Так, и что там? – он сделал долгий глоток пива.

– Да забей, бестолковые размышления с похмелья. План с семьей ясен, а у нас с тобой на сегодня какой?

– Показывать.

– Ладно, давай по стопке, надо взбодриться. А то я сейчас от этого пива усну.

Мы выпили по местной тридцатиградусной настойке, и я

вроде бы начал воскресать – снова появилась энергия, а мысли сменились на более радужные. Совсем скоро на нашем столе скопилось больше десяти пустых стопок.

– Ну что, ты на сколько? – спросил я.

– Вышел на «5+», сам?

– Где-то ближе к «7». Пора ехать заселяться и кинуть рюкзак.

Мы вызвали такси – гостиница располагалась не так чтобы далеко от вокзала, но идти было категорически лень. После традиционных ритуалов на стойке регистрации я поднялся к себе в номер. Точно в таком же примерно три года назад мы останавливались с Олей. Забавно было оказаться в этой гостинице спустя столько времени и в совершенно других обстоятельствах. Вместо влюбленности – одиночество, вместо покупок сувениров в лавке Мумми-Троллей – пьянство в 11 утра. Я взял газировку из мини-бара и спустился вниз. Слава уже стоял там и тыкался в телефон. Я остался без рюкзака, а вот он наоборот свой взял. Несложно было догадаться зачем.

– Так, ну держи «ракету», – он расстегнул рюкзак и достал из него полулитровую пластиковую бутылку с газировкой. Точнее, газировки там была только половина, – другой половиной у Славы чаще всего выступал ром. Меня даже заинтриговало – вдруг в этот раз что-то другое.

– А какое топливо в «ракете»?

– Строго ром.

– Как видишь, я прочувствовал ситуацию и прихватил с

собой еще, – сказал я, протянув взятую газировку из мини-бара.

– Отлично, нам это сегодня пригодится.

Мы пошли гулять по городу, периодически отпивая из «ракет» и обсуждая все подряд – от того, как у кого дела с текущими проектами и до вопросов типа «обязательно ли рок-звезде умирать молодым». В одном из дворов мы присели на перекур. Слава попросил сигарету. «Значит, он уже вышел на “7+”», – подумал я. В более трезвом состоянии он никогда не курил. Что до меня, то я уже неплохо так опьянел и понимал, что сегодня все развернется самым непредсказуемым образом. После следующей фразы Славы мне стало ясно, что не «развернется», а «уже разворачивается».

– Смотри, видишь там толпа подростков, – он указал рукой на другой край двора. Там действительно стояло человек десять молодых парней.

– Так, и?

– Спорим я у них сейчас вырублю покурить? – речь, конечно, шла не о сигаретах, а о запрещенной растительности.

– Чего? Ты почему вообще решил, что они курят?

– Это наитие. Вселенная. Никогда не обманывает.

Я засмеялся. Все это выглядело достаточно нелепо.

– Ну вперед.

Слава оставил «ракету» на скамейке и направился к парням. Я услышал «хай, гайз», и мне стало еще смешнее, ведь кроме этой фразы он не знал по-английски совершенно ни-

чего. Дальше началась активная жестикуляция и попытки понять друг друга на астральном уровне. Я отвлекся и достал телефон. Облачный сервис хранения фотографий издевался надо мной – пришло уведомление «Посмотрите, что вы делали в этот день три года назад». На превью уведомления была фотография, где я целую Олю в щеку на фоне Балтийского моря. Тут раздался крик и отвлек меня. Подняв голову я увидел, что Слава направляется ко мне.

– Э! Ну что? Не верил?

– Да ладно, – я убрал телефон в карман.

Подойдя ближе, он показал мне достаточно объемный сверток из фольги.

– Как?! – я закричал от неожиданности. – Ты же даже английского толком не знаешь.

– Говорю же – вселенная. Ладно, давай. Прямо здесь и сейчас.

Набор для табачных самокруток, который у меня остался во внутреннем кармане от одной знакомой, оказался под рукой вовремя. Я достал его из куртки и протянул ему.

Мы покурили и залпом допили ракеты.

– Куда дальше?

Мне было очень тепло и приятно. «Как будто еще не родился», – подумал я, после чего сразу пришла новая мысль. «Что? Я? Сейчас? Подумал».

– Черт, – я проснулся и открыл глаза.

Оглянулся и стало понятно – дальше все будет только хуже. Я сидел в ванной под струей теплого душа. Громко выдохнув, я начал говорить с собой вслух.

– Прежде всего, надо понять, где я, – от произнесения слов моментально начала болеть голова. – Так, уже чуть легче – это точно ванная гостиничного номера. С высокой степенью вероятности, моего.

Вокруг не было ничего подозрительного – ни крови, ни каких-то посторонних вещей и предметов.

– Главное, нет крови, – я подошел к зеркалу. – Выгляжу помято, но живым. Ладно, идем дальше.

Я приоткрыл дверь и окончательно понял, что нахожусь в своем номере – мой рюкзак лежал точно там же, где вчера был оставлен – под вешалками у входа. Я свернул направо в комнату и выругался. Первое, что меня смутило – на столе лежал развернутый сверток из фольги, причем в нем еще что-то оставалось. А второе – это очевидно женский зад в джинсах, торчащий из-под моего одеяла и лежащий на моей кровати. Я сразу бросился к фольге, вытряхнул все в унитаз, на всякий случай обмыл водой и сунул в шкафчик в ванной. Внутри себя решил: «Заберу и выкину, когда буду выселяться». Вопрос о том, что мы курили прямо в номере, меня не беспокоил – если бы это спровоцировало неприятности, я бы проснулся не под теплым душем. Зайдя в комнату, я окинул ее взглядом – вроде, кроме женщины, ничего неожиданно-го. Даже плюс-минус чисто. Бодун, кстати, от таких новостей

как рукой сняло.

Я подошел к женщине и аккуратно потрогал ее за плечо. Она медленно открыла глаза, которые тут же округлились. Мадам начала вопить.

– Wo bin ich? Wer zur Hölle bist du?

Все это было настолько нелепо, что я громко рассмеялся: «Господи, она немка? Голландка? Ну и показывали мы вчера». Девушку звали Хелен и она, к счастью, владела английским, так что я смог объяснить ей, что все в норме. Ну, насколько это возможно. Видимо, не ощутив от меня никакой угрозы, Хелен под конец моих объяснений тоже рассмеялась и расслабилась. Мы, кстати, с ней не спали ни в каких смыслах. Она хоть и закуталась в одеяло, но была полностью одета.

Хелен рассказала, что мы познакомились с ней в одном из баров в центре, после чего она повела нас в БДСМ-клуб, в котором была завсегдатаем и практиковала шибари. «Тогда ясно, чего у нас не сложилось», – я всегда был достаточно далек от подобных историй. Ей очень нравилось, когда ее связывали и подвешивали в самом центре зала. Когда Хелен рассказывала, меня начали догонять картинки из этого заведения.

Кто-то сидел внутри клетки, кого-то, как и Хелен, подвешивали на веревках, кого-то пороли. Оставалось надеяться только, что мы вели себя как нормальные гости, а не пьяные обезьяны. «Нас выгнали очень быстро даже несмотря на

то, что я хожу в этот клуб каждые выходные и меня там все знают», – убила мои надежды Хелен. Уточнять, как именно мы зашкварились, я не стал. «Но вы мне показались очень безобидными и смешными. Просто вы были очень громкими», – продолжила она.

Картинка вчерашнего вечера и ночи вроде бы собралась. На вопрос, как Хелен оказалась в моем номере, она рассказала, что после того, как нас выставили, мы в очередной раз плотно покурили и выпили из «ракет» – это слово девушка, кстати, произнесла с сильным акцентом, но на русском – и пообещали компенсировать несостоявшееся в клубе шибари у нас в гостинице.

«Да компенсировали, конечно», – подумал я со смехом. «Ладно, хотя бы научили ее слову “ракета”». Что нам делать вместе дальше было неясно ни ей, ни мне, поэтому после обсуждений веселой ночи мы распрощались. Она собрала вещи и вышла за дверь. В этот же момент зазвонил мессенджер – это, конечно, был Слава.

– Э, живой?

– Да. У меня немка в номере.

– Живая?

– Да, была.

– В смысле? Ты чего там устроил?

– В смысле живая была, живая и есть – просто ушла. Ты где?

– На завтрак спускаюсь.

Завтрак – этот набор звуков показался мне ангельским пением. Я не ел уже, наверное, дня два. Завершил разговор, набросил на себя одежду и быстрым шагом пошел вниз. Славу встретил у входа в местный гостиничный ресторан. Глядя на усталые лица друг друга мы рассмеялись. Набирая себе ветчину, сосиски и омлеты, я рассказал ему об утреннем инциденте.

– Да-да, я все это помню, кроме того, что немка поехала с нами.

– Угу, – мы сели за стол, – сейчас будем воскресать.

– Знаешь, я с утра никак не могу одну мысль дурацкую сообразить – что больше, ар или гектар?

– Твой нос больше, – только и смог выдать я.

Вдруг в кармане завибрировал телефон. Я достал и прочитал уведомление, после чего хлопнул себя по лбу.

– Блин, забыл совсем.

– Чего такое? – Слава дожевывал бекон, надел солнцезащитные очки и развалившись на стуле пил капучино.

– Да блин, мы с Аней договаривались встретиться сегодня. За пару недель списывались, я ей рассказал про свой план по Новому году и оказалось, что она тоже будет в Хельсинки в это время.

– А что за Аня, напомни.

– Ну у нас с ней был, как это сказать, небольшой роман. Но потом она укатила в Германию.

– Все-все. Вспомнил. Год заканчивается с немками, ви-

дишь. Ты, кстати, как, уверен вообще по празднику?

– А что такого?

– Будешь один, в компании непонятных и незнакомых людей. Иностранцы вокруг, опять же.

– А что смущает? Будет весело, только опять пить придется.

– Для меня звучит реально как ад.

– Тут кому что. Для меня как ад – Новый год с женой и двумя детьми, – а сам подумал: «Или не как ад?».

Я написал Ане, что наша встреча в силе. Мы договорились в кофейне – она, слава богу, не употребляла алкоголь, – на пять вечера. Мой паром отходил ближе к девяти, так что вроде бы я успевал везде.

Мы доели и вышли из столовой, после чего обнялись и распрощались. Слава позвал меня в баню отойти от вчерашнего, но тогда бы я точно не встал до вечера. Я поднялся в номер, собрал все вещи, достал скомканный кусок фольги из ящика в ванной и пошел выписываться на стойку регистрации.

IV. Аня

Выписавшись, я вышел на улицу. Благодаря морозному воздуху удалось окончательно прийти в себя. Я направлялся к кофейне, которая находилась совсем недалеко от моего паррома – по счастью, Аня тоже остановилась в тех краях. Хотя пункт назначения располагался далековато от моей гостиницы, километрах в пяти, я все-таки решил пройтись. Вокруг мелькали обыденные сценки из жизни спокойного европейского города: рабочие чинили асфальтовое покрытие, клерк направлялся в офис, семья фотографировалась в парке.

Я шел и вспоминал наше знакомство с Аней. Оно произошло в самый буйный период моей жизни, длившийся около двух лет, – оставшись один, я глубоко погрузился в череду бесконечных тусовок. Влад, который тогда тоже расстался с девушкой, меня в этом стремлении поддержал, и каждую неделю по две-три ночи к ряду мы проводили в разных клубах и барах, выпивая и знакомясь с новыми людьми. Одним из этих новых людей оказалась и Аня. Вообще не понимаю, почему я ей понравился – она была из хорошей семьи, не употребляла ничего алкогольного и запрещенного, в детстве занималась балетом, а потом и вовсе уехала из страны в Европу, занявшись там социальной поддержкой мигрантов. В баре она тогда оказалась за компанию с подругой и пила чай. Мы с Владом, будучи уже на «8», подошли к ним с каким-то

тупым вопросом в духе: «А вы что, сестры?» – и закрутилось. Мы провстречались с ней несколько недель, а потом и я сбежал от нее, и она снова уехала из страны. Уже даже и не помню, почему именно у нас не получилось, но через некоторое время мы снова начали общаться в онлайн. И вот, спустя полтора года, я шел к ней навстречу. Гудок автомобиля вернул меня в реальность.

Наконец, я свернул на нужную улицу – слева виднелся порт, из которого сегодня вечером отходил мой паром. Я подошел к кофейне, остановился у витрины и закурил, изучая интерьер заведения, и почти сразу увидел ее. Аня сидела в центре зала с кружкой, скорее всего, чая и открытым ноутбуком, глядя в него с напряжением и что-то активно печатая. Я курил и не спускал с нее глаз, пребывая в уверенности, что она поднимет голову и, увидев меня, улыбнется. Уголь от сигареты уже обжег мне палец, но голову Аня так и не подняла. «Ну ладно, здесь мимо», – подумал я и зашел внутрь. Подойдя к ней сзади, я снизил голос, насколько мог, и сказал: «Девушка, можно с вами познакомиться?». Аня вначале вздрогнула, но, обернувшись на меня, сразу расхохоталась. Она встала и мы обнялись – длилось это минуту, не меньше.

Я сел напротив нее.

– Здравсьте, – полуулыбаясь, сказал я. – Что пьете? Джин?

– Здравсьте-здравсьте. Нет, всего лишь травяной чай.

– Что ж, хотелось бы вас поддержать, но, пожалуй, выберу светлый фильтр.

Наши разговоры с ней всегда проходили легко и в полуконформном стиле – она ждала моих не самых лучших шуток, а я не самым лучшим образом шутил в ответ. Слава богу, наши отношения были достаточно кратковременными, чтобы перескочить в уныние, бытовуху и совместный выбор мебели или хождение по магазинам. Подошел официант и я заказал пива.

– Ань, рассказывай, какими судьбами?

– Блин, мы же с тобой не виделись два года, – она любила игнорировать вопросы. – Как ты, скучал?

– О, да – распечатал твою фотографию во всю стену, рвал волосы на груди.

– Классно, действительно рада, что у тебя начали расти волосы на груди.

Мы снова засмеялись.

– Ну как ты сама думаешь? Конечно, скучал по тебе.

– И я тоже.

– Рассказывай, как ты тут оказалась? Я-то тебе писал – решил максимально экстравагантно встретить Новый год. А вот ты что забыла в Хельсинки?

– А мы тут с моим парнем встречаемся, потом летим к моим родителям, будем все вместе в семейной атмосфере отмечать.

– Ничего себе, рад за тебя. Что за парень?

– Испанец, познакомились с ним в Берлине.

Почему-то вместе с радостью за нее я ощутил и странную

легкую грусть.

– Так, и сколько вы вместе?

– Полтора года. Есть у меня ощущение, что он сделает мне предложение на этих праздниках.

– Уф, прямо шокируешь.

– А у тебя как дела, дорогой?

– Слушай, таких новостей, как у тебя, у меня, увы, нет. Работаем и пьем.

– Ты все так же пьешь, да?

– Ну примерно, плюс-минус. Что нового в сфере защиты мигрантов в Германии?

– Зачем ты пьешь? Ты же можешь сделать столько классного, – она снова проигнорировала мой вопрос.

– Ань, не знаю, что тебе на это ответить – просто пью и все.

– Помнишь, ты мне когда-то обещал сходить к психологу?

Разговор начинал принимать грозный оборот.

– Конечно. Сходил даже к двум или трем. Один назвал меня ритуалистом, другой отказался со мной работать, а третий – честно, уже не помню, но тоже что-то не срослось. В общем, как говорится.

Мне принесли пива. Я сделал долгий глоток – стало легче.

– Так ну и что там с мигрантами?

– Вначале было очень тяжело, с некоторыми коллегами не могла найти общий язык. Но со временем втянулась.

– Был где-то год назад в Берлине и мне показалось, что

люди там довольно грубоваты.

– Ты был в Берлине и не сказал мне?

– Мы тогда с тобой не общались, и я подумал, что писать тебе будет излишним. Но я, обрати внимание, подумал об этом! Так и вот, про грубость, в качестве примера – ехал в ночном автобусе – трезвый и адекватный, если что, – подошел к водителю уточнить, сколько до моей остановки. Обратился к нему, а он вместо ответа резко затормозил, открыл дверь и вытолкнул меня на улицу.

– Что-то не верится даже – совсем неадекват тебе попался. Ты же к нему на английском обращался?

– Да, конечно.

– Есть такое ощущение, что они подустали и от приезжих, и от туристов, и от мигрантов. Возможно, поэтому ты столкнулся с такой обостренной реакцией. Ко мне очень много приходят людей, которым нужна помощь, но они не то что немецкого не знают, там и на английском пара фраз.

– И как ты это решаешь? Как тебе вообще терпения хватает?

– Вот справляемся. Понимаешь, для меня важно заниматься чем-то полезным, помогать людям.

Я взглянул на улицу – там неожиданно поднялась метель.

– Смотри, как задуло. Казалось бы, ничего не предвещало.

– А так часто бывает, вроде бы ничего не предвещает, а потом случается какой-нибудь ужас, – она как будто намекала мне на что-то, но я не мог понять, на что именно.

– Вы, получается, вообще с корабля на бал?

– Да. Самолет у нас в девять, из аэропорта сразу поедem в родительский дом – нам повезло, что он находится в южной части города.

– Как ты, счастлива с Хосе?

– Его вообще-то зовут не Хосе, – она рассмеялась. – Да, счастлива. Я нашла в нем, что искала.

– А что ты искала?

– Интеллект, внешность, умение соблюдать границы, умение заботиться. В самом деле, мне тебе объяснять, что ищет девушка в мужчине?

– Ладно-ладно, понятно. Пойду покурю, может быть, метель унесет меня в Гренландию.

Я набросил куртку и вышел. Прикурить сигарету удалось попытки с восьмой, не меньше. Я курил и думал, что, видимо, никогда не смогу подойти простым критериям, которым нужно соответствовать, чтобы построить «серьезные» отношения. Люди женятся, рожают детей, строят семьи. Я пью, употребляю вещества и деградирую. А как правильно?

Пока меня не было, Аня снова залезла в ноутбук.

– У тебя даже сейчас работа? – снимая куртку, спросил я.

– Нет-нет, это личное, – она закрыла ноутбук. – У тебя-то как, дорогой, на личном?

– Да никак. Случаются какие-то встречи, сама понимаешь, как заканчиваются – или мы говорим час-другой и больше никогда не видимся, или мы говорим час-другой, потом

пьем, в результате чего происходит сближение, и больше никогда не видимся. Как видишь, обе дороги ведут к «и больше никогда не видимся».

– Ты обязательно найдешь того, кто тебе подойдет.

– Все может быть. Где вы с Хосе встречаетесь?

– В аэропорту. Думаю, минут через пять буду вызывать такси.

– Времени совсем мало осталось.

– А как ты думаешь, почему у нас это не закончилось, как в твоих примерах про «больше никогда не видимся»?

– Ух, Ань, это сложный вопрос. Видишь, какое-то притяжение между нами существует и сейчас. А ты как думаешь?

Она подняла на меня свои голубые глаза и долго, не моргая, смотрела. При этом, ничего не ответив на мой вопрос, задала свой.

– А ты чего решил отмечать в такой странной обстановке?

– Не знаю, устал от города, от людей вокруг, от рутины. А тут меня точно будут ждать приключения.

– Почему ты так уверен? Может, пролежишь в каюте все плавание.

Я усмехнулся.

– Ты сама в это веришь? Ты же знаешь меня.

– Ну ладно, ты прав.

– А ты, кстати, до какого числа будешь в городе?

– Все новогодние. Но я не думаю, что мы сможем там встретиться. Сам понимаешь – семья, каникулы.

– А у вас с Хосе как, отношения на расстоянии?

– Нет, мы живем в Берлине. Он на их католическое рождество сейчас вот к семье, в Аликанте, летал. Но работает в Германии.

– Дай-ка подумаю, айтишник?

– В точку. Надо попросить счет, мне надо собираться.

– О, позвольте вас угостить, мадам.

– Как скажете, мсье. Угощайте, а я пока вызову такси.

Она уткнулась в телефон. Я смотрел на ее пышные темные волосы и думал о том, когда мы увидимся в следующий раз и при каких обстоятельствах.

– Все, едет. – Аня положила ноутбук в сумку, встала и направилась к вешалке.

– Отлично, пойду тебя посажу и допью свое пиво. А может быть, возьму что покрепче.

Я помог ей с пуховиком, и мы направились к выходу. Пока шли, я поймал на себе вопросительный взгляд официанта и дал ему понять кивком, что сейчас вернусь.

Метель не стихала. Подъезжающую машину удалось увидеть только когда она находилась метрах в десяти от нас.

– Ну что? – она повернулась ко мне, прервав молчание.

– Я очень рад был тебя видеть, пусть и ненадолго.

– И я очень-очень рада была тебя видеть.

Мы обнялись, и я впервые за эту встречу ощутил ее парфюм – пользуется все тем же, даже столько времени спустя. Через какое-то количество секунд стало понятно, что наши

объятия длятся слишком долго.

– Хорошего Нового года, Ань, – я взял ее за руку.

– Будь счастлив, – она сжала мою руку и отпустила.

Я подошел к машине и открыл ей дверь. Через мгновение автомобиль скрылся в белой пучине метели. Мне было немного грустно, и я решил, что надо выпить стопку-другую. Мой паром должен был отходить через два с половиной часа. «С учетом, того, что мне идти до пристани минут 15-20, могу себе позволить посидеть здесь», – подумал я, занырнув обратно в тепло. Из-за ухудшившихся погодных условий бар как будто стал вдвое уютней. Я попросил себе еще одно пиво и две стопки ликера.

«Что же мне предстоит?», – начал размышлять я, пытаюсь отогнать от себя грустное послевкусие от встречи с Аней. – «Интересно, будут ли там вообще русскоязычные? Скорее всего, 99% пассажиров – финны, шведы, датчане и другие жители североευропейских стран. А что, если она была права, и я просто пролежу всю ночь в каюте? А ведь до Нового года осталось уже несколько часов. Получается, встречу я его в Балтийском море. Да нет, наверное, один не останусь – сколько там будет людей? Тысяча? Две? Кто-нибудь, но найдется».

Я выпил стопку, запил ее пивом, оглядел бар и только сейчас осознал, что с уходом Ани остался его единственным посетителем. «А как интересно, отмечает его она?», – подумалось мне. – «Жива ли она вообще?». Я разглядывал пиво в

бокале и очевидно начал сжухать. «Так, надо допивать и идти к парому, как-то растрясись. А то усну прямо за этим столом. Что будет даже забавным – решил встретить праздник на пароме, но в итоге уснул в баре, не дойдя до него пятьсот метров», – мне стало смешно.

Я попросил счет, заплатил и, одевшись, вышел на улицу. На ней, кстати, начало стихать. Как будто бы сама природа решила устроить нам с Аней максимально драматическое прощание. На телефоне пикинуло два уведомления. Одно сообщение было от Славы – он рапортовал о том, что погрузился с семьей в самолет, а второе – от Ани, которая еще раз благодарила меня за встречу.

Я решил ответить обоим позже. Впереди показался пассажирский терминал пристани. Подойдя к нему вплотную, я закурил и решил оценить обстановку. Я ожидал увидеть очереди и толпы людей, но вокруг было пусто. Это вызвало у меня сомнения – может быть, ошибся терминалом? Я открыл телефон и нашел на почте билет, удостоверившись, что пришел к тому самому терминалу. «Возможно, часть людей уже внутри», – подумалось мне. Метель, тем временем, совсем кончилась. Так, будто ее и не было никогда. Я сделал последние затяжки, выкинул окуроч в урну и поднялся по ступенькам вверх, ко входу. «Ну вот и все. Подготовительный этап заканчивается. Начинается самый необычный Новый год, который я когда-либо встречал», – мое настроение снова поднялось. За последние насыщенные дни я и вовсе

забыл, что меня ждет. Я открыл дверь и очутился в очень теплом и просторном помещении.

V. Паром

Оказавшись внутри, я сразу понял, почему на улице никого не было. Все уже были здесь. Терминал как будто представлял собой четвертое измерение – снаружи казался очень маленьким, но внутри был огромным. Людей тут толпилось очень много. Они делились на две основные группы – семьи, которые состояли из чуть ли не четырех поколений, и молодежь, от двух-трех до шумных стаяк по десять-пятнадцать человек.

Я прошел на стойку регистрации, отдал паспорт и листок с бронью. Вежливая сотрудница вернула мне это вместе с посадочным талоном и по совместительству ключом. Проследовав так, как мне велели таблички с изображениями стрелочек, я поднялся на второй этаж и прошел вместе с множеством других пассажиров в узкий коридор рукава, который начинался в терминале, а заканчивался уже на пароме. Зайдя внутрь своего нового большого дома на эти два дня, я застыл в восхищении. Раньше мне не доводилось бывать на паромах, а потому для меня стали шоком огромные пространства, полные магазинов, ресторанов и баров. Все это напоминало торговый центр на воде. «Ладно, надо найти номер, кинуть рюкзак и начинать подготовку к празднику», – думал я, глядя на билет.

Я прошел к лестницам и спустился на пару этажей вниз,

после чего свернул в отсек направо, где располагались каюты, и оказался в узком лабиринте, стены которого были утыканы дверьми. Рисунок ковра в лабиринте будто отсылал к фильму «Сияние». Сделав пять-шесть поворотов то вправо, то влево, я наконец нашел свою каюту, вставил карточку в замок и оказался внутри. Первое, что ощутил – панику. Мне было совершенно непонятно, как я смогу пьяный, через семь-восемь часов, найти дорогу до своей каюты.

Сама каюта была достаточно большой, с иллюминатором, из которого даже сейчас открывался прекрасный вид на бескрайнюю водную гладь. Санузел был очень маленьким, впрочем, нет ли разницы, в каком метраже откисать от бодуна под душем. Я кинул рюкзак и куртку, положив в джинсы сигареты и банковскую карту, после чего помыл руки и двинулся на поиски приключений. «Перво-наперво – взять пивка», – подумалось мне и настроение стало еще лучше. Все дороги позади – а впереди только праздник.

Я вернулся в просторное лобби, взял в ближайшей барной точке светлого пива и уселся с кружкой за высокий круглый столик. Глянул на часы – отправляться должны были с минуту на минуту. Я медленно потягивал пиво и наслаждался своим спокойствием посреди суеты – вокруг множество народу перемещались туда-сюда, громко говорили и смеялись. Периодически я вслушивался в эти разговоры – русским языком, тут, что называется, и не пахло. Вдруг из этой снующей массы людей выделилась женская фигура, которая абсолют-

но точно направлялась ко мне. Внутри себя я усмехнулся – как-то слишком много женского внимания за последние дни. Впрочем, с этим всегда так, то пусто, то густо.

Девушка на вид была лет тридцати, на голове повязан платок, который я вначале принял за бандану. Она подошла ко мне и спросила что-то, судя по всему, по-фински. Я извинился за незнание этого милого птичьего языка и попросил перейти на английский.

– Ты тут один? – она, конечно, знала английский язык.

– Да-да. Присаживайтесь, пожалуйста, – какой же милый у них акцент, не то, что у меня – как у восточноевропейского бандита из GTA.

– А ты тут прямо вообще один?

– Да, совершенно. Решил отметить праздник вдали от дома.

– Кстати, ты откуда?

– Из России. А ты местная из Финляндии?

– Я из Финляндии, да. Как тебя зовут?

Мы назвали друг другу имена и обменялись рукопожатиями.

– А ты тут одна?

– Да, как и ты. Что ты пьешь?

– Просто пиво. А ты чего без напитка?

– Сейчас схожу, возьму себе кофе.

– Супер, я придержу для тебя место, – улыбнулся я ей.

Она вернулась минут через пять с бумажным стаканом с

кофе. Тем временем, несмотря на медленный темп, я выпил добрые две трети кружки.

– Ну хорошо я – случайный иностранец. А ты-то почему тут одна?

– А у меня просто никого нет.

– В плане?

– В самом прямом смысле. Просто знаешь, так бывает – умирают бабушки и дедушки, родители. И в какой-то момент ты остаешься один.

– Понимаю о чем ты, – выдержал паузу. – А чем ты занимаешься?

– Я работаю в сфере экологии – разрабатываю разную документацию, сижу в офисе. А ты?

– Торгую оружием, – я засмеялся. – Просто шутка, на самом деле веду несколько проектов в сфере ИТ – менеджер, в общем.

Чем я занимаюсь на самом деле, рассказывать мне не хотелось.

– Что у тебя в личной жизни? Дети, муж?

– Нет, я же сказала, что совсем одна. У меня был муж, но он ушел, когда началось это. Она показала пальцем на голову.

– Извини, а что началось-то?

Она замолчала и отвела взгляд в сторону. Я понял, что надо перевести тему.

– В каком ты городе живешь?

– Я из Котки – это такой небольшой город на юге нашей страны. Ты мог и не слышать о нем.

– Ну почему же – очень даже слышал. Даже как-то был в нем проездом. Мы же с вами как-никак близкие соседи, – я улыбнулся.

– А ты почему здесь один?

– Очень захотелось уехать из города на эти праздничные несколько дней. Вообще, показалось забавной идеей встретить грядущий год среди людей, которые даже не знают моего языка.

– Здесь, к сожалению, тебя может постичь разочарование – некоторые финны прилично говорят на русском.

– Надеюсь, не встречу их на этом пароме, – позже оказалось, что еще как встретил.

– Как тебе паром?

– Впечатляет. Я впервые на таком судне – когда только зашел, можно сказать, был шокирован. Это все как плавучий торговый центр.

– Да, так и есть. Какие ты проекты ведешь?

– Ой, а можем не о работе – извини, но сюда я сбежал, в том числе и от нее. Сейчас схожу за пивом и вернусь.

Я встал – получилось неуверенно – уже начал напиваться – и двинулся к бару. «Интересно, сбежит она или ей интересно продолжить общение?», – думалось мне. Помимо пива я взял еще и стопку ликера, которую выпил, даже не дойдя до столика. Финка сидела на месте, что меня удивило. Я сел

и тут же сделал глоток – надо было запить крепкий ликер, и тут же почувствовал, что приближаюсь к пяти из десяти.

– А ты, кстати, чего не пьешь?

– В принципе не люблю алкоголь.

– Мне недавно попадалась статистика на глаза – вроде как финны самый пьющий народ Европы. Вы даже нас обогнали.

– Смешно. Но это не для меня.

– Даже в праздник?

Она допила кофе. Чувствовалось, что она хочет мне признаться в чем-то.

– Извини, если неуместно. Просто ты упомянула, что муж ушел от тебя, когда началось нечто, теперь – что не употребляешь алкоголь. Чувствую, что и не куришь?

– Угадал.

– Еще раз извини, но что-то со здоровьем?

– Снова угадал.

Она размотала платок – ее голова была абсолютно лысой.

– У меня рак, прохожу очередной курс химиотерапии сейчас.

– Блин. – я замолчал и попытался заполнить неловкую паузу тем, что глотнул пива.

– Да ладно, что с тобой? – она улыбнулась. – В этом же нет ничего такого. В наше время много кто этим болен, даже не в пожилом возрасте.

– Ну да. Так и что, получается, муж ушел, когда нашли онкологию?

– Некоторое время он был рядом, поддерживал. Но я кожей ощущала, как он тяготится ситуацией, а вместе с ней и мной. Однажды попросила его уйти и, знаешь, второй раз просить не пришлось. Слава богу, у нас не дошло до детей.

Тем временем паром плыл полным ходом. Я решил как-то разбавить наш разговор.

– Мы, кстати, поплыли, – господи, как это было неловко. – Ты сама часто плаваешь на пароме?

Мой и без того неидеальный английский окончательно деградировал до уровня переводчика в поисковике.

– Второй год подряд. Решила, что каждый Новый год буду встречать так. После того как у меня нашли опухоль.

– То есть, ты узнала об этом два года назад?

– Все правильно. За пару недель до праздника. Чтобы хоть как-то развеяться, взяла билеты сюда, и мне неожиданно понравилось – лечение у меня все равно начиналось чуть позже, в январе. Решила, что каждый оставшийся мне новый год буду проводить здесь.

– Радостно, что ты нашла для себя некую отдушину, – допил второе пиво, подумав про себя, что фраза прозвучала максимально неуместно.

– У тебя есть девушка?

– Когда-то была, но сейчас никого.

Она повязала платок обратно и придвинулась ко мне.

– Ты забавный.

– Даже не знаю – хорошо это или плохо. Ты как считаешь?

– Хорошо, конечно. Одинокий мужчина на пароме в праздничную ночь может быть или жалким, или забавным.

Мне почему-то стало смешно.

– А, ну если такая альтернатива, то спасибо за комплимент.

– Какие у тебя вообще планы на этот вечер?

Из-за быстро выпитой второй кружки, которая вдобавок легла на фундамент из ликера, я совсем охмелел и не мог понять, кто из нас к кому подкатывает, да и подкатывает ли вообще.

– Вроде бы напиться. А у тебя?

– Можно я скажу напрямик? – не дожидаясь моего ответа, она продолжила, похоже, понимая, что я уже пьян. – Слушай, если честно я ищу себе парня на эту ночь. У меня каюта с окошком и много всяких интересных вещей. Будет весело.

«Что происходит вообще?», – подумал я. «Я попал в какой-то фильм. Это же прям сцена из фильма. Но какого? Блин, и у нее ведь не спросишь – слушай, не помнишь кино, где смертельно больная предлагает переспать?». Мне срочно нужен был перерыв.

– Мне очень хочется покурить – я на несколько минут выбегу на палубу, хорошо?

Она кивнула, а я встал из-за стола и быстрым шагом направился прочь. Перспектива остаться на ночь в каюте этой девушки почему-то пугала меня до смерти. Приложив усилие, я все-таки открыл довольно тяжелую дверь и оказался

на палубе. Это было прекрасно – кинув руки на перила смотреть на рассекаемую паромом воду с высоты пятиэтажного дома. Мы, тем временем, уже вышли из порта и на все сто восемьдесят градусов открывался вид на море. Я закурил и огляделся. Рядом стоял молодой парень, выглядевший как типичный офисный клерк. Под его левым глазом я заметил фингал. «Худенький клерк с фингалом...» – начал думать я и от неожиданности вскрикнул.

– «Бойцовский клуб» же, блин. Вот где была сцена со смертельно больной.

Финн, а может быть швед или датчанин, с опаской посмотрел на меня и на чистом русском спросил.

– С вами в порядке все?

– Да, простите. А вы, что, русский?

Может быть, он не услышал из-за гула моторов, может быть, сознательно проигнорировал – итог был такой, что клерк просто развернулся и ушел, перед этим метко бросив окурок в урну.

Затянувшись еще раз, я окончательно решил, что надо бежать от девушки. На палубу влетели человек пять – все молодые, возбужденные, с покрасневшими лицами – и все они пели какую-то свою, по всей видимости, популярную у них в стране песню.

Я докурил и двинулся к своему месту, пока так и не придумав, как уйти. Разумеется, мне совсем не хотелось даже случайно ее обидеть. Я свернул к барам и своему столу – и

ее уже, к счастью, за ним не было. На какие-то доли секунды мне стало интересно, куда она могла пропасть. Среди прочих вариантов мелькнуло даже: «Черт, а может быть она прям натуральным образом умерла?».

По направлению движения народа стало ясно, где в эту секунду проходит лучшее мероприятие на пароме. Толпа, текущая в левую от меня сторону, становилась все больше и больше. Тут же откуда-то слева загрохотала рок-музыка, причем очевидно это была живая группа. «Может, я окажусь на последнем выступлении Вилле Валло?», – пришло мне в голову. Я встал и тут же влился в толпу, радостно крича вместе с ней. Через пару минут мы все подошли к дверям. Помещение представляло собой концертную площадку, по сути – клуб вместимостью человек в пятьсот точно.

Слева находились вип-зоны – с диванчиками и столами, посередине – сцена, а напротив нее, с другой стороны танцпола – огромный бар. Все это пространство было заполнено процентов на шестьдесят, но народ продолжал прибывать.

На сцене расположилась традиционная рок-группа, состоящая из басиста, двух гитаристов, барабанщика и вокалиста. Они играли какую-то бодрую и веселую музыку на сказочном финском, и мне казалось, что я нахожусь на детском утреннике. Именно здесь сейчас, похоже, собралась добрая четверть парома – семьи располагались где-то в районе вип-зон, а молодежь динамично прыгала на танцполе. Я пошел к бару, взял пару стопок крепкого и одно пиво. Оглядев-

шись, я не нашел для себя интересной компании, поэтому пока остался за баром. Чокнувшись со случайным парнем, выпил обе стопки и начал очередную кружку. Я подбирался к семерке – а значит, до новых знакомств оставалось совсем недолго. Все было прекрасно, пока рядом со мной молодая девчонка не потеряла ориентацию в пространстве и не ударились прямо лбом о барную стойку. Звук был настолько громким, что оглянулись даже те, кто стоял ближе к сцене. Мне показалось это дурным знаком – от перепитых женщин всегда одни проблемы. Поэтому я в два глотка добил пиво и двинулся прямо в гущу скачущего народа.

VI. Сестры

Две стопки догнали меня, когда я оказался у сцены. Здесь ощущение того, что мы сейчас бороздим холодные воды Балтики, исчезло напрочь. В какой-то момент мне вообще показалось, что я нахожусь на концерте в одном из небольших клубов своего города. Звуки, доносящиеся со сцены, и крики вокруг смешивались в одно шумное полотно, из которого нельзя было вычленить ничего конкретного. Я глубоко вдохнул и вернулся в реальность. Глянул на часы – в России уже наступил Новый год, а нам на пароме до него оставалось чуть меньше часа. Я огляделся и начал глупо улыбаться от осознания сюрреалистичности происходящего. Вокруг меня люди кричали на непонятном языке, восхищаясь группой, которую я видел впервые, и все это меньше чем за час до одного из главных мировых праздников. «Надо выпить еще», – подумалось мне и я, развернувшись, пошел к бару.

Мы пересеклись взглядом с молодой рыжей девушкой, которая у своего столика в VIP-зоне с детским восторгом зажигала под «гном-рок» группы на сцене. На танцполе уже было плотно и на пути до бара приходилось то и дело толкаться и протискиваться. «Как ледокол», – я наконец оказался у стойки и повторил последний заказ. После первой стопки передо мной оказался парень лет двадцати, который очень эмоционально, глядя мне прямо в глаза, начал что-то вещать. Я ре-

шил, что объясняться бессмысленно, а потому просто поднял вторую стопку и чокнулся с ним. Этого, впрочем, как и ожидалось, оказалось достаточно. Я взял кружку и, несмотря на риск, отправился в толпу. На сцене воцарилась тишина, а потом, с первыми нотами новой песни, все взорвалось. Толпа бушевала так, что меня вытолкнуло в одну из вип-зон. Я пролил на себя немного пива – не критично. Мне, конечно, было очень смешно – судя по всему это был главный хит группы, но для меня эта песня ничем не выделялась среди предыдущих однотипных шести. Только через несколько секунд я понял, что вторгся в чужое пространство вип-зоны. «Удачно толкнули», – за столиком сидела та самая рыжая девушка. Вместе с ней еще две – одна, темноволосая, чуть старше, и другая, с прической под ежик, гораздо старше.

Первым делом я извинился. У них на столике стояло очень много алкоголя, и когда меня жестом пригласили подсесть, я ничуть не удивился. «Похоже, оно», – я прошел к столику и присел рядом. Рыжая тут же начала говорить по-фински.

– Простите, но я...

– Не говорите по-фински? – темноволосая, крича на английском, наклонилась ко мне. Я сидел между ними, а короткостриженная – напротив.

– Да, именно.

– А вы откуда?

– Россия. А вы местные?

– Россия, вы прямиком из России? – она переспросила меня на отличном русском, акцент был едва заметный.

– Вы говорите на русском? – теперь это меня сильно обрадовало.

– Да, я учила. Мой язык не идеальный, но я могу. Могу и на английском. А вот сестра – она вообще никакой, кроме финского, не знает.

Вскоре я узнал, что рыжую звали Йоханнес, а темноволосую – Мария. Они были двоюродными сестрами. Третья, Лахья, была их тетей. Мы еще немного поболтали, а потом пошли танцевать с сестрами, периодически прерываясь на подходы к барной стойке. Лахья осталась за столом, сославшись на усталость. Во время одной из пауз солист группы разразился какой-то тирадой. Я подозвал Марию жестом к себе и попросил перевести. «Он говорит, что следующая песня будет последней и поздравляет всех с праздниками», – приблизившись, рассказала мне Мария. «На самом деле мы хотим идти отсюда, ты пойдешь с нами?». Я, конечно, не понял, куда они собираются идти, но даже не переспрашивая, кивнул в ответ. Мы подошли к столику сестер. Они что-то прощепетали между собой, после чего Мария и Йоханнес взяли меня с двух сторон под руки, и мы двинулись к выходу. Тетя шла позади.

Я уже достаточно выпил – находился точно на «7+», поэтому происходящее совсем не удивляло, а воспринималось как должное. Мы вышли из зала, и я все-таки решил уточ-

нить, куда мы направляемся. «Идем в другой клуб, а тетя – к нам в каюту, она уже утомилась», – ответила Мария. «В другой клуб? Действительно, этот паром – какой-то город на воде», – подумалось мне. У лестницы мы разошлись с тетей, она отправилась наверх, а мы – вниз. Вскоре наша дружная и пьяная троица дошла до того самого другого клуба. Если предыдущий был похож скорее на концертную площадку, то этот – на типичное ночное заведение.

Танцовщицы гоу-гоу, электронная музыка вперемешку с поп-хитами из нулевых, посетители с неоновыми браслетами на запястьях – все это выглядело безнадежно устаревшим и оттого милым. Когда мы прошли внутрь, заиграла нетленка 50 Cent – PIMP. Мне не удалось сдержать смех. Мы подошли к бару, взяли по несколько стопок и тут же, опрокинув их, пошли на танцпол. Народу в этом месте было ощутимо меньше, что после толкучки под «гном-рок» не могло не радовать. Сестры под этот трек 50 Cent натурально умирали, танцуя на пределе артистизма и эмоций – я прям поверил, что передо мной развратные проститутки из Гарлема, а не две милые среднестатистические финки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.